

A character from a video game, likely a courier, is shown from the waist up. They are wearing a bright red hooded cloak over brown leather armor. The armor is intricately detailed with straps, buckles, and laces. A sword is visible on their back. The background is a snowy, mountainous landscape. The text 'Юрий Арден' is overlaid in the upper center, and 'Курьер' is overlaid in the lower center.

Юрий Арден

Курьер

Юрий Арден

Курьер

<https://litres.ru/73989729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Курьер — странник между мирами. Он не герой и не спаситель — он доставляет знание. Но каждый его дар оборачивается испытанием: спирт, спасший от гнилых ран в Болотных Чашах, становится «водой забвения» и убивает старейшину Элдо. Запруды в Зимнем шатре дают людям тепло, но привлекают функционалов — стражей Континуума. Его метод меняется: не технология, а навык. Не лекции, а работа руками. И когда в Мире Правил запрещена письменность, он оставляет детям игру — палочки и кружочки, которые однажды станут буквами.

Совместитель с треснувшим резонатором ведёт его через Архипелаг, болота, снега и каменные города. За спиной — Исход, впереди — новые миры, а внутри — имя Элдо, повторяемое как мантра. Курьер — доска на переправе: по нему пройдут и забудут. Но семя посажено.

Рассказ о цене благого намерения, о том, как знание лечит и калечит, и о том, что иногда самое важное — не ответ, а вовремя заданный вопрос.

Содержание

Глава 1 Пролог: Архипелаг	4
Глава 2. Болотные Чаши	15
Глава 3. Инструментарий	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Юрий Арден

Курьер

Глава 1 Пролог: Архипелаг

Запах он почувствовал раньше, чем увидел дым.

Кислый, с металлическим оттенком — горела не рыбацья хижина и не коптильня. Горела бумага. Его бумага.

Курьер пересёк рыночную площадь Архипелага быстрым шагом — не бегом, бег привлекает взгляды, а взглядов и без того хватало. Корзины с вяленным осьминогом, груды обсидиановых монет на циновках, связки сушёных водорослей, хлопанье парусов из пальмового волокна над причалом, крики чаек и торговцев — всё это сливалось в привычный шум, сквозь который он двигался, не замечая. Его внимание держал дым.

Мастерская горела тихо, почти беззвучно. Огонь лизал бамбуковые стропила, пожирал циновки, добирался до стола — того самого, где он три месяца назад собрал первый передатчик. Пламя было жадным и дымным: тростник, пропитанный солью, горел плохо, чадил, оставляя в воздухе чёрные хлопья.

— Я успел, — сказал голос за спиной.

Тейо. Мальчишка стоял босиком на утоптанном песке,

прижимая к груди что-то, завёрнутое в пальмовый лист. Копоть легла на его щёки серыми разводами.

— Они пришли до рассвета. Спрашивали про Чистую Тетрадь. Я сказал — не знаю такого.

Курьер посмотрел на мальчика, потом на мастерскую, потом снова на мальчика. Вопрос «почему ты не разбудил меня» застрял в горле — он знал ответ. Потому что Тейо боялся, что его увидят. И правильно боялся.

— Что у тебя?

Мальчик развернул лист. Внутри лежали три вещи: блокнот в кожаном переплёте (сырой, пахнущий рыбой — прятал в садке), катушка медной проволоки и кварцевый кристалл размером с ноготь большого пальца. Всё, что осталось от трёх месяцев работы.

— Остальное я сжёг, — сказал Тейо. Голос дрогнул. — Чертежи, контакты, карту глубин. Не хотел, чтобы им досталось.

Курьер взял блокнот. Перелистнул. Схема передатчика была на месте — последняя страница, карандаш уже стёрся, но вдавился в бумагу. Ещё неделя — и запись исчезла бы сама.

— Ты всё сделал правильно, — сказал он.

Тейо не ответил. Он смотрел на огонь.

Рыночный архипелаг был миром, где Курьер задержался дольше обычного. Два года и три месяца. Причиной был не климат (хотя климат — липкая жара, соляной туман по

утрам, ветер, от которого кожа трескалась, — был не худшим из тех, что он знал) и не люди (хотя люди — торговцы, рыбаки, резчики по обсидиану, строители плотов — были прямыми и нелюбопытными). Причиной было радио.

Точнее — возможность радио. Архипелаг состоял из трёхсот сорока островов, разбросанных по мелководному морю на три тысячи миль. Связь между островами держалась на парусных плотах, которые шли от атолла к атоллу неделями. Шторм — и плот исчезал, и остров оставался глухим на месяц, на два, навсегда.

Курьер увидел это в первый же день, когда на его глазах рыбацья лодка разбилась о риф, а соседний остров, до которого было полмили, не узнал об этом два дня. Он увидел — и начал работать.

Не лекции. Не «я пришёл из другого мира и сейчас всё исправлю». Он просто починил разбитый барометр старому плотнику. Показал, как плести антенну из медной проволоки. Собрал первый передатчик из раковин, бамбука и того немногого, что носил с собой. Местные называли устройство «голос-через-воду» — и это было точнее, чем «радио». Голос действительно шёл через воду, отражаясь от ионосферы над морем.

Через год на трёх островах появилась связь. Рыбаки знали о штормах за полдня. Торговцы договаривались о ценах до того, как плоты выходили из лагуны. Родился ребёнок на северном атолле — и об этом узнали на южном через час.

Через два года Курьер понял: он перестарался. Слишком много островов. Слишком заметно. Слишком быстро. Совет Архипелага — старейшины с двадцати островов — начали задавать вопросы. Кто такой Чистая Тетрадь? Откуда он? Почему его лодка не приходит ни с одного известного атолла? Почему он говорит с акцентом, которого никто не узнаёт?

А потом в порту увидели серые плащи.

— Ты уходишь, — сказал Тейо.

Они сидели на корточках у задней стены мастерской — той, что ещё не занялась. Дым уходил в море, солнце поднималось над лагуной, окрашивая воду в цвет ржавчины. Чайки орали.

— Да.

— Из-за тех, кто спрашивал?

Курьер кивнул. Он укладывал вещи. Не в сумку — сумка — это для тех, кто уходит налегке и надолго. Он укладывал в кофр из панциря морской черепахи. Тяжёлый, прочный, с прокладкой из пальмового волокна.

— Они опасны?

— Они — функционалы, — сказал Курьер. — Это другие. Не спрашивай.

Тейо замолчал. Мальчику было тринадцать — возраст, когда молчание стоит больше вопросов. Он уже понимал: есть вещи, о которых взрослые не говорят не потому, что не хотят, а потому, что не могут.

— Ты оставишь мне «голос-через-воду»?

— Я оставлю тебе блокнот. — Курьер протянул его. — Здесь всё. Схема, калибровка, частоты. Но не доставай сразу. Через год. Когда перестанут искать.

Тейо взял блокнот. Взвесил в руке.

— А они перестанут?

Курьер не ответил. Он знал: функционалы не перестают. Они приходят через день, через два, через неделю — но приходят. И находят ключевого носителя. И проводят компенсацию. Тейо будет помнить лицо учителя — смуглое, с тонким шрамом над бровью. Будет помнить запах — смесь соли и медной стружки. Но не вспомнит, как собрать передатчик. Схема ускользнёт, как вода сквозь пальцы. Знание останется в мире — но притуплённое, замедленное. Эхо, а не взрыв.

— Ты вернёшься? — спросил Тейо.

Курьер закрыл кофр. Застегнул пряжку из рыбьей кости. Поднялся, отряхивая песок с колен.

— Вряд ли.

— Тогда зачем ты это делаешь? Ну, всё это? — Тейо обвёл рукой дым, мастерскую, блокнот, море, небо. — Если не можешь остаться и не можешь вернуться — зачем?

Курьер посмотрел на мальчика. Ответ был сложным — слишком сложным, чтобы вместить в слова, понятные тринадцатилетнему рыбаку с Архипелага. Ответ был в имени старейшины Элдо, которое он повторял про себя каждую ночь. Ответ был в пяти мирах, которые он уже прошёл, и в

тридцати, которые ещё ждали. Ответ был в том, что он не строит мосты — он только доска на переправе.

Но всего этого Курьер не сказал. Он сказал другое:

— Я делаю это, чтобы однажды кто-то не уходил. А оставался.

Тейо смотрел на него долго. Потом спрятал блокнот под рубаху.

— Тогда я не буду доставать его через год. Я достану, когда пойму, как не дать им найти меня. Может, через пять. Может, через десять.

Курьер хотел возразить — но промолчал. Мальчик имел право на свою ошибку.

Он ушёл с Архипелага в полдень, когда жара стала невыносимой и даже чайки попрятались под навесы. Пересёк лагуну вброд, держа кофр над головой, — вода доходила до пояса, тёплая, мутная от песка, пахнувшая железом. На дальнем берегу, за полосой пальм, начиналась гряда вулканического туфа, изрытая пещерами. Он знал одну — узкую, глубокую, куда не заходили рыбаки: говорили, там живут духи предков.

Он не спорил с духами. Он просто работал.

Пещера была сухой и прохладной. Свет падал из трещины в своде — узкий луч, в котором танцевала пыль. Курьер устроился на плоском камне, открыл кофр и вынул совместитель.

Прибор был красив — не броской, а сдержанной, функциональной красотой. Титановая рама размером с две муж-

ские ладони, сложенные лодочкой. На раме — следы пайки, царапины, лёгкая вмятина на правом крыле (удар о камень в Болотных Чашах — он помнил тот день, помнил имя Элдо, помнил тростниковую трубку, оставленную на пороге храма). Три квантовых резонатора — цилиндры из мутного кварца, внутри которых пульсировал синеватый свет, медленно, как дыхание спящего. Сенсорная панель — восемь ячеек, тускло мерцающих в темноте.

Курьер провёл пальцами по резонаторам. Один из них — центральный — имел микротрещину. Он знал о ней уже полгода. Трещина не росла, если обращаться аккуратно, если не перегружать калибровку, если давать совместителю остыть между переходами. Запас хода — ещё на несколько десятков прыжков, может, больше. А батареи — изотопный диск, до сих пор тёплый на ощупь — держали стабильно. Он не боялся остаться без энергии. Он боялся другого: что однажды трещина всё-таки пойдёт вглубь — и он зависнет между мирами, не достигнув ни одного.

Но это был страх на потом. Сейчас нужно было работать. Калибровка заняла около часа. Монотонная работа руками — настройка резонаторов, выверка частот, проверка обратной связи через нейробио-чип. Чип, вживлённый в височную долю, вибрировал на грани слышимого — он *чувствовал* состояние прибора: когда резонаторы синхронизировались, левая рука теплела, когда расходились — немел мизинец.

Он выбрал мир заранее. Ещё на Архипелаге, когда понял, что пора уходить, — расспросил торговца с дальних островов. Тот говорил о холодной земле за северным морем, где люди живут в шатрах на полозьях и кочуют от одного горячего источника к другому, потому что источники иссякают. Он запомнил: «Зимний шатёр».

Холод. Гейзеры. Кочующие шатры. Люди, которые не умеют удерживать тепло. Этому можно помочь.

Он ввёл частоты в сенсорные ячейки — одну за другой, как учили когда-то в исходном мире, в лаборатории, которой больше не существовало. Руки помнили ритуал. Пальцы нажимали на нужные точки, резонаторы отзывались тихим гулом.

Перед активацией он на мгновение закрыл глаза. Вспомнил дым мастерской. Лицо Тейо. Имя Элдо — старейшины, которого он убил своим знанием в Болотных Чашах. Он всегда вспоминал его перед прыжком — как мантру, как покаяние, как компас.

Потом положил пальцы на последнюю ячейку, глубоко вдохнул — и нажал.

Переход начался не с боли. Сначала пришёл звук — высокий, тонкий, будто кто-то тронул струну, натянутую между висками. Звук нарастал, переходя в ультразвук, — уши уже не слышали, зубы чувствовали. Ломота разлилась по телу — не острая, а глубокая, ноющая, словно каждая кость смещалась на долю миллиметра.

Потом — запах озона, резкий, почти режущий ноздри. И сразу — невесомость. Курьер перестал чувствовать камень под собой, перестал чувствовать собственный вес. Сознание сжалось в точку, как бумажный лист, брошенный в костёр — края уже горят, но середина ещё бела, ещё держит текст.

Вспышка боли в виске — там, где чип. Короткое замыкание. Перегрузка?

Он попытался понять — и не успел. Темнота накрыла его, как волна накрывает песчаный берег, — быстро, плотно, беззвучно.

Очнулся он от холода.

Настоящего, колючего холода, какого не знал Архипелаг. Курьер открыл глаза и увидел снег — белый, сухой, искрящийся в лучах низкого солнца. Снег лежал повсюду: на склонах холма, куда его выбросило переходом, на далёких пиках гор, на жёстких стеблях травы, пробивавшейся из-под наста.

Лёгкая хлопковая рубаша с Архипелага не грела вообще. Он сел, растирая плечи, и огляделся.

Долина внизу. Дым — десятки дымов, поднимающихся к бледному небу. Круглые шатры на полозьях, сгрудившиеся вокруг одного большого гейзера. Пар. И тишина — глубокая, ватная, какой он не слышал никогда. Снег глушит всё.

Курьер попытался сказать вслух: «Зимний шатёр». Язык шевельнулся — но мысль не оформилась в слово. Чип молчал. Он попробовал снова — простое слово, «вода». Ничего. Ни перевода, ни резонанса, ни знакомой вибрации в виске.

Только пустота.

Завис. При переходе.

Он сидел на ледяном склоне, в чужой одежде, в чужом мире, и не мог сказать ни слова.

Впервые за долгие годы Курьер ничего не знал. Ни языка, ни обычаев, ни того, как здесь выжить. Он знал только одно: холод убьёт его раньше, чем он разберётся.

Склон захрустел под чьими-то шагами. Он обернулся — слишком медленно, холод сковал мышцы, — и увидел троих.

Мужчины в одежде из грубой овчины, с луками из рога, с капюшонами, надвинутыми низко. От них пахло влажной шерстью и дымом. Тот, что шёл первым, остановился в трёх шагах и что-то сказал — гортанное, с присвистом.

Курьер смотрел на него и не понимал ничего.

Он прижал руку к груди, потом к губам — жест, старый, как человечество: *я нем, я не могу говорить, я не опасен.*

Мужчина переглянулся со спутниками. Потом стянул с плеча запасную овчину и бросил Курьеру.

— А-а-рхей, — сказал он, ткнув пальцем себе в грудь.

Курьер поймал овчину. Грубая шерсть царапала замёрзшие пальцы, но от неё шло тепло — чужое, живое.

— Арик, — ответил он хрипло. Горло не слушалось. Собственное имя прозвучало чужим.

Архей кивнул. Сказал что-то ещё — длинное, с вопросительной интонацией. Курьер не понял. Но жест был ясен: *вставай, пойдём, замёрзнешь.*

Он встал. Ноги не гнулись.

Внизу, в долине, дымили шатры. Мир, в котором он снова был никем, ждал его — с паром, с холодом, с тишиной, в которой ему ещё предстояло найти слова.

Глава 2. Болотные Чаши

Калибровка совместителя всегда занимала около часа — ровно столько, сколько нужно, чтобы воспоминания поднялись со дна и затянули с головой.

Курьер сидел в пещере, в луче пыльного света, и пальцы его двигались по сенсорным ячейкам сами — мышечная память, выдрессированная десятками переходов. Он настраивал резонаторы на частоту Зимнего шатра — холодного мира, где люди кочуют от гейзера к гейзеру и не умеют удерживать тепло. Мысль об этом мире грела его — там он сможет помочь. Там он исправит то, что сломал здесь.

Здесь — это в Болотных Чашах.

Он не хотел вспоминать. Но руки делали монотонную работу, чип вибрировал на грани слышимого, запах озона смешивался с запахом торфа — и воспоминание пришло само, как поднимается со дна болотный газ: беззвучно, неизбежно, удушливо.

Болотные Чаши встретили его запахом.

Кислый дух торфа, смешанный с йодистой гнилью водорослей, — густой, почти твёрдый, он забивал ноздри и оседал на языке. Пахло метаном: по утрам над водой поднимался туман, и факелы в нём горели синеватыми языками, будто под водой, будто в другом мире.

Курьер очнулся на гати — узкой тростниковой дороге,

проложенной по мелководью. Гать хлюпала под ногами, просе дала, пускала пузыри. Вода была везде: тёплая, мутная, цвета ржавого железа. Она стояла под сваями хижин, она капала с широких листьев, она сочилась из мха на стволах. Мир без сухого угла. Мир без тишины — потому что вода не молчит. Она чмокает, капает, хлюпает, булькает. Постоянный мокрый ритм, от которого через неделю начинали болеть зубы.

Люди здесь жили на воде. Деревни стояли на сваях — длинные дома из потемневшего дерева, с крышами из тростника, с мостками между ними. Под мостками, в плетёных садках, росли моллюски-фильтраторы — единственный источник белка в этом мире. Их мясо было пресным и горьковатым, с привкусом тины; их ели варёными, сушёными, толчёными в пасту, их запивали чаем из болотных трав, отдающим землёй. Ни соли, ни сахара — мир без остроты.

И люди здесь умирали.

Курьер заметил это не сразу. В первый день он принял похороны за ритуал благодарения воде — слишком много цветов, слишком много пения. На третий день — снова похороны. На пятый — ещё одни. Он начал считать.

За две недели — девять смертей. Деревня в сто двадцать человек. Если так продолжится, через год здесь останется половина.

Он спросил — жестами, рисунками на мокрой древесине, потому что чип ещё не освоил местный язык. Ему объясни-

ли: гнилые раны. Люди работают в воде — ставят садки, чинят гати, собирают моллюсков. Острый тростник режет ноги. Ракушки царапают ладони. Малейший порез — и через три дня рана чернеет, распухает, начинает пахнуть сладким. Ещё через три — жар. Ещё через три — смерть.

Местные знахари лечили раны припарками из торфа. Не помогало. Они знали, что не помогает, — и всё равно прикладывали торф, потому что больше ничего не было. Потому что предки прикладывали. Потому что мир не дал им другого ответа.

Курьер смотрел на это две недели. На третью начал работать.

Идея пришла ему не как озарение. Он просто вспомнил.

В одном из миров — он уже не помнил, в каком именно, память стиралась после десятков переходов, — он видел, как гнали спирт из забродившего зерна. Примитивный аппарат: глиняный горшок, тростниковая трубка, холодная вода для охлаждения. Спирт убивает гниение. Спирт чистит раны. Спирт мог спасти этих людей.

В Болотных Чашах не было зерна. Но был тростник. Молодые побеги, срезанные до цветения, содержали сладкий сок. Если дать соку забродить — получится брага. Если брагу перегнать — получится спирт.

Он не читал лекций. Он просто взял глиняный горшок у местного гончара — молчаливого старика с узловатыми пальцами, — пробил в крышке отверстие, вставил трост-

никовую трубку, обмазал стыки смолой. Собрал молодой тростник, намял сок в деревянную бадью, оставил бродить на тёплом месте — под сваей, где проходил дымоход от очага.

Местные смотрели с любопытством. Чужак, немой, делает странные вещи. Но он не мешал им жить, не просил еды, не лез в их споры. Он просто работал руками. Это вызывало уважение — в мире, где работа руками была единственной валютой.

Через пять дней брага была готова — мутная, пенящаяся, с кислым запахом. Курьер поставил горшок на огонь, пропустил трубку через бадью с холодной водой и стал ждать.

Первая капля упала через час. Прозрачная, пахнувшая резко, почти больно. Он поднёс к носу — да, спирт. Не чистый, градусов сорок, но достаточный.

Он нашёл молодого знахаря — парня лет двадцати по имени Тарро — и показал ему на пальце: небольшой порез, смачивание спиртом, чистая повязка. Тарро не понял. Тогда Курьер показал на женщину с гниющей раной на ноге — она лежала в хижине, пахло от неё сладким, смертным. «Дай мне попробовать, — говорил его жест. — Хуже не будет».

Тарро колебался. Женщина посмотрела на Курьера мутными глазами — ей уже было всё равно. Она кивнула.

Курьер промыл рану разведённым спиртом — один к трём, чтобы не сжечь живую ткань. Женщина вскрикнула. Но через день жар спал. Через три — рана начала затяги-

ваться. Через неделю она встала и пошла к воде — проверить свои садки.

Деревня заговорила. Немой чужак спас безнадежную. Тарро попросил научить.

Курьер обучил двоих — Тарро и его сестру Лию. Они были толковыми: Тарро понимал процесс, Лия — чувствовала пропорции. Через месяц они уже сами гнали спирт, сами обрабатывали раны, сами объясняли соседним деревням. Смертность от гнилых ран упала втрое. Курьер видел благодарность в глазах — ту самую, ради которой он доставлял знание между мирами. Он почти был счастлив.

А потом всё сломалось.

Это случилось через два месяца после первых перегонки.

Курьер вернулся с дальних гатей — он помогал чинить садки, работа простая, успокаивающая, — и увидел толпу у хижины Тарро. Люди стояли молча, плотно, как на похоронах. Но пахло не цветами. Пахло спиртом. Сладковатым, резким — и ещё чем-то. Гарью. Рвотой. Страхом.

Он растолкал толпу.

Тарро лежал на полу, голый по пояс, с разбитым лицом. Рядом — Лия, скорчившись у стены. Её руки были в крови. Не своей. Чужой.

Курьер опустил на корточки. Поднял с пола глиняный черепок — остаток разбитого перегонного горшка.

— Что случилось? — спросил он. Чип к тому времени уже переводил. Медленно, с задержкой, как сквозь вату, — но

переводил.

Тарро не ответил. За него ответил старый гончар — тот самый, что дал Курьеру первый горшок.

— Они продавали воду забвения.

— Что?

— Твою воду. — Старик сплюнул на тростниковый пол. — Спирт. Они гнали больше, чем нужно для ран. Продавали рыбакам с восточных деревень. Те пили и говорили с духами. Пили и спорили. Пили и дрались.

Курьер посмотрел на Тарро. Тот молчал. Лия всхлипнула.

— Кто? — спросил Курьер.

— Все, — сказал старик. — Уже месяц. Ты не видел, потому что работал на дальних гатях. А мы видели. Твоя вода течёт по всем Чашам.

Курьер вышел из хижины. Прошёл по гати к дальней деревне — восточной, рыбацкой. То, что он увидел там, осталось с ним навсегда.

Рыбаки не работали. Садки стояли пустыми, моллюски дохли без ухода. Люди сидели на мостках, передавая друг другу глиняные плошки. У некоторых из носа шла кровь — метанол, понял Курьер с ужасом. Тарро и Лия гнали не чистый спирт, они не знали про головную фракцию, про ядовитые примеси. Тот, кто пил много, травился. Тот, кто пил мало, просто тупел и засыпал.

Он попытался остановить это. Собрал старейшин трёх деревень, объяснил — через чип, медленно, запинаясь, —

что пить спирт нельзя, что он только для ран, что головную фракцию нужно сливать. Старейшины слушали. Кивали.

А вечером того же дня старейшина Элдо — самый старейший, самый уважаемый, тот, кто первым разрешил Курьеру работать в своей деревне, — напился воды забвения и упал с мостков.

Он утонул в мелкой воде. Захлебнулся, лёжа лицом вниз, в полуметре от сваи. Рядом стояла площадка с остатками спирта.

Его нашли утром.

И тогда родичи Элдо пошли к дому Тарро.

Курьер не видел убийства. Он слышал его.

Тишина — мокрая, хлюпающая, вечная тишина Болотных Чаш — вдруг лопнула криками. Он выбежал из своей хижины, пересёк три мостка и увидел толпу. Те же люди, что утром стояли на похоронах Элдо. Те же лица. Только теперь в руках у них были палки, камни, осколки раковин. Тарро лежал на гати. Лия — рядом. Их больше не было.

Курьер остановился. Он не кричал. Не бросался в толпу. Он смотрел на два тела, на кровь, смешанную с болотной водой, — и понимал: он сделал это.

Не своими руками. Своим знанием.

Благие намерения. Тщательный расчёт. Научный метод. Три месяца успеха. И один месяц, превративший лекарство в яд. Потому что он дал инструмент, но не дал правил. Потому что он не учёл культуру — мир без алкоголя, мир без

иммунитета к опьянению, мир, где любое вещество, меняющее сознание, становится сакральным. Потому что он думал только о технологии и забыл о людях.

Он стоял и смотрел, пока родичи Элдо не ушли. Потом подошёл к воде, опустил на корточки и долго мыл руки. Вода была тёплой, мутной, ржавой. Руки не отмывались.

Он ушёл на рассвете, когда туман был особенно густым. Синие языки факелов плыли в молоке, как утопленники. Гать хлюпала под ногами — привычный звук, который он почти полюбил за эти месяцы. Теперь этот звук казался насмешкой.

У храма — свайной постройки с алтарём из раковин, самым высоким местом в деревне — он остановился. Снял с пояса тростниковую трубку. Ту самую. От первого перегонного аппарата. Он хранил её как память, как символ, как доказательство, что его метод работает.

Теперь это было доказательством обратного.

Он положил трубку на порог храма — сломанную пополам.

И ушёл в туман, не оглядываясь.

Курьер дышал.

Воспоминание схлынуло, оставив во рту вкус пресных моллюсков и горьковатого чая. Пальцы дрожали. Он сжал их в кулак, подождал, пока дрожь уймётся.

Совместитель гудел ровно. Калибровка завершалась — последний резонатор входил в синхронизацию. Левая рука

теплела: обратная связь работала, чип проснулся после прошлого прыжка, частота Зимнего шатра была поймана.

Он повторял про себя имя. Элдо. Элдо. Элдо. Как мантру. Как покаяние. Как компас.

В Болотных Чашах он усвоил урок, который не преподали ему в исходном мире. Технология без культурного контекста — яд. Инструмент без правил — оружие. Благие намерения не защищают от последствий — они только делают эти последствия горше, потому что ты сам их выбрал.

Он больше не повторит этой ошибки. В Зимнем шатре он будет осторожнее. Он будет наблюдать дольше, спрашивать чаще, вмешиваться мягче. Он не даст им технологию — он покажет принцип и даст им самим решить, что с ним делать.

Или так он думал.

Совместитель пискнул — короткий высокий сигнал: готовность. Курьер в последний раз проверил батарею. Изотопный диск был тёплым, стабильным; запаса хватало ещё на несколько десятков переходов. Трещина в центральном резонаторе не увеличилась — аккуратное обращение того стоило. Он закрыл кофр, застегнул пряжку, поднялся с холодного камня.

Времени на сомнения не было. Функционалы, возможно, уже шли по его следу через Архипелаг. Тейо, возможно, уже забывал схему передатчика. А в Зимнем шатре люди кочевали от гейзера к гейзеру и не знали, что тепло можно удержать.

Он положил пальцы на последнюю сенсорную ячейку.

— Элдо, — сказал вслух. Не молитва. Память.

И нажал.

Звук струны, натянутой между висками. Ультразвук — зубы чувствуют. Ломота в костях — глубокая, ноющая. Запах озона — резкий, режущий ноздри. И темнота.

Переход начался.

Глава 3. Инструментарий

Пещера встретила его тишиной и холодом — не тем холодом, что снаружи, не тропической жарой Архипелага, а каменным, неподвижным, каким дышат подземелья в любом мире.

Курьер пересёк лагуну вброд час назад, держа кофр над головой. Вода доходила до пояса — тёплая, мутная от песка, пахнувшая железом. Позади остался дым мастерской. Впереди была неизвестность. Он не оглядывался: оглядываться — значит сомневаться, а сомнение перед прыжком опасно. Чип считывает неуверенность, резонаторы расстраиваются, калибровка плывёт. Он знал это по опыту — по тому самому опыту, который оплатил именем Элдо.

Дальний берег за полосой пальм упирался в гряду вулканического туфа — чёрного, ноздреватого, изрытого пещерами. Рыбаки с Архипелага не заходили сюда: говорили, в глубине живут духи предков. Курьер не спорил. Он просто выбрал самую узкую расщелину — ту, что открывалась на север, в тень, — и протиснулся внутрь.

Внутри было сухо. Свет падал из трещины в своде — один косой луч, в котором медленно танцевала пыль. Больше ничего: каменный пол, гладкий, почти полированный временем; стены, уходящие в темноту; и тишина, такая глубокая, что собственное дыхание казалось чужим. Курьер устроился

на плоском камне в центре лужи света, поставил кофр перед собой и открыл пряжку.

Совместитель был красив — не броской, не вычурной, а сдержанной, функциональной красотой, понятной только тому, кто понимает сопротивление материалов и допуски. Металл прибора был светлым, почти белым в луче солнца, но по краям темнел — следы пайки, старая, ещё из исходного мира. Тогда они паяли в лаборатории вчетвером: он, Ира, Дэвин, Кай. Теперь он один. Теперь он вообще всё делает один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.